

Уверен, что выражу не только свое мнение в отношении «эффекта» выхода в свет такого рода распорядительных документов, если скажу: налицо подрыв авторитета правительственного аппарата, влекущий проблемы с повышением конкурентоспособности хозяйствующих субъектов с участием государственного капитала.

Что касается правовой оценки содержащихся в поручении требований о раскрытии структуры собственности контрагентов госкомпаний, то предлагаемые «санкции» за непредставление такого рода сведений не выдерживают никакой критики. Государство как собственник, конечно, может устанавливать критерии отбора контрагентов для компаний с госучастием. Вопрос лишь в том, являются ли вырабатываемые критерии необходимым и достаточным условием для эффективного взаимодействия этих самых госкомпаний со своими контрагентами. Но вот что касается расторжения действующих контрактов с теми контрагентами, которые в установленный срок не представили данных о структуре собственности и своих бенефициарах, то встает вопрос о том, как такого рода требование вообще могло пройти визу Правового департамента Правительства. Ведь ни для кого не секрет, что вопросы расторжения гражданско-правовых контрактов лежат исключительно в области гражданского законодательства. Гражданский кодекс никто не отменял, и суды вполне аргументированно встанут на защиту нарушенных прав контрагентов в случае прекращения с ними договорных отношений на основании требований поручения Председателя Правительства.

Таким образом, приходится констатировать, что и формальная, и содержательная части поручения вызывают поток критических замечаний заслуженно и не соответствуют благим целям, которым изначально было призвано служить обсуждаемое поручение.

Виктория Бурковская,

руководитель уголовно-правовой практики Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», доктор юридических наук

— Срок, обозначенный для поручения такого рода, на мой взгляд, довольно сжатый. Госкомпании взаимодействуют с большим количеством контрагентов, поэтому представить такой объем информации к первому апреля будет достаточно проблематично.

Также довольно спорным видится предложение в одностороннем порядке приостановить контракты с контрагентами, которые не представят запрашиваемую информацию. Так как в контрактах едва ли предусмотрено такое основание для приостановления, как нераскрытие информации о бенефициарах, это может повлечь за собой как ухудшение работы госкомпаний, так и увеличение количества исков в их адрес.

Обязанность собирать информацию по контрагентам так или иначе уже сформирована сложившейся судебной практикой по налоговым спорам. Зачастую компаниям приходится самостоятельно доказывать налоговым органам, что их контрагент — благонадежная компания, а не фирма-однодневка. Конечно, существует ряд сложностей, связанных со статусом госкомпаний и особенностями их регулирования. Но сам по себе подход обязывать госкорпорации

собирать информацию о своих контрагентах укладывается в общую канву развития нашей законодательной практики.

Данная норма широко используется и международными компаниями. Например, если российская фирма заключает договор на облуживание американской компании, то в соответствии с американским законодательством она обязана представить целый ряд сведений. Существуют международные стандарты заключения договоров с западными компаниями и для отечественных компаний, ориентированных на зарубежные рынки. Не соблюдать их — значит терять конкурентоспособность.

Григорий Чернышов,

партнер, руководитель практики разрешения споров юридической фирмы *White & Case*

— Думаю, что ответ на заданный вопрос можно дать в разных плоскостях.

Во-первых, как известно, субъект гражданского права может участвовать в обороте либо непосредственно, либо через учрежденные и контролируемые им организации. Но есть риск того, что эти учрежденные компании могут играть в свою игру в ущерб интересам собственника капитала. Очевидно, что каждый субъект гражданского оборота заинтересован в том, чтобы личность контрагента была ему известна. Ведь всегда нужно знать, с кем имеешь дело. А учрежденные собственником компании могут либо намеренно скрывать личность контрагента, либо маскировать за юридической личностью контрагента интерес менеджмента компании. Поэтому совершенно логично и понятно желание публичного собственника знать, с кем имеют дело учрежденные и контролируемые им юридические лица. Ведь частный собственник всегда знает или всегда может узнать, с кем имеют дело учрежденные им компании, почему же публичный собственник должен находиться в неведении по этому поводу? С этой точки зрения желание государства как собственника капитала госкомпаний знать, с кем в реальности эти госкомпании имеют дело, вполне справедливо, оправданно и является обычным желанием рачительного хозяина. Никакого нарушения закона здесь нет, поскольку каждый субъект гражданского оборота (а государство здесь не является исключением) вправе сам определять, на каких условиях он или учрежденные им компании будут вступать в гражданские правоотношения.

Во-вторых, о банальном воровстве менеджмента госкомпаний через учрежденные им частные компании уже написано и сказано столько, что добавить к этому уже вряд ли что-то можно.

Однако, в-третьих, нужно обратить внимание на следующий аспект проблемы: наверняка далеко не все заключенные госкомпаниями договоры предусматривают такое основание для расторжения, как нераскрытие бенефициаров контрагента, поэтому есть опасность нарушить закон, расторгая договоры либо вовсе без оснований, либо по основаниям, созданным искусственно. И то и другое плохо, так как пострадает гражданский оборот.

С другой стороны, раскрытие бенефициаров — это правило хорошего тона в бизнесе. Едва ли хоть одна более или менее серьезная сделка заключается «втемную». Поэтому нежелание контрагента раскрыть своих бенефициаров